

Глава 1

PIPA THE TERRIBLE

Хроника январского утра

Квартира Дурневых. Где-то на грани между поверхностным сном и глубоким маразмом.

6:50. За окном тоскливая зимняя темно-синь.

6:51. Шпингалет отщелкивается сам собой. Дверь лоджии распаивается. Стекла в рамах дребезжат нечто нескончаемо виртуозное в духе Листа.

6:52. Пипе Дурневой становится холодно. Ее не в меру упитанная нога, с пяткой помидорного цвета, втягивается под одеяло.

6:53—6:57. По комнате кто-то крадучись ходит, спотыкаясь о золотых тигров и не золотых, зато добросовестно выпотрошенных ятаганом плюшевых медведей. По стене прыгает ломкая тень, сжимающая в руке нечто зловещее, похо-

жее на копье македонских непобедимых фаланг...

6:57. Пипа Дурнева начинает испытывать смутное беспокойство, но ленится открывать глаза и лишь глубже зарывается в подушку.

7:00. Пипу, точно трубный глас, настигает назойливый писк электронного будильника. Пипа свешивает ноги с кровати, озирается, видит темную фигуру, всматривается, а еще спустя мгновение жуткий крик раскалывает парадную тишину правительственного дома.

7:01. Вспыхивает свет — бросаясь к двери, Пипа полуосознанно цепляет рукой выключатель. Неопределенность ночи уступает хмурой определенности утра.

* * *

Из коридора Пипа вновь оглянулась, и ее нечеловеческий вопль перешел в удивленный и даже восторженный взвизг.

На краю дивана, попиравшего дубовый паркет кривоватыми, но благонадежными черными ножками, сидел Гурий Пуппер. Он выглядел подавленным. На носу у него красовались подклеенные

скотчем очки — номер первый из уникальной пупперовской коллекции поломанных очков. Длинная метла стояла в углу, подтекая тающим снегом.

Приседая от любопытства, Пипа вернулась в комнату и поспешно юркнула под одеяло. Она не хотела, чтобы у Пуппера была возможность созерцать ее пижаму. Это была агитационно-предвыборная фланелевая пижама, украшенная портретом ее папочки и лозунгом: «Загрызу за гуманность!» — на спине.

Но Гурию было не до пижамы. Он страдал. Нижняя челюсть у него прыгала. Взгляд дико блуждал по стене, спотыкаясь о пестрый рисунок обоев.

— Это конец! Она меня бросила! — тоскливо сказал Гурий.

Кося лиловым глазом, Пипа сочувственно взглянула из-под одеяла.

— Это навсегда, я знаю! Моя тетьа, которая снится магвокатам, была права: нам не быть вместе! — еще надрывнее произнес Пуппер.

Холодная капля туманного происхождения скользнула вдоль благородного английского

носа, запуталась в носогубной складке и упала Пипе на ногу.

Пипа сглотнула. Она с утра неважно владела голосом.

— Бедный! Кто бросил-то? — спросила она хрипло.

— Татьяна... Твоя sister. Она перевернуться к свой старый бойфренд! — воскликнул Пуппер, от огорчения теряя все русские падежи и склонения.

— А кто у нее бойфренд? — жадно спросила Пипа, равнодушная к такого рода подробностям.

— О, я его почти не знаю! У него кошмарная русская фамилия! Вайлялькин! Джон Вайлялькин! — с омерзением выговорил Гурий и уронил голову на руки.

«Ишь ты, новый какой-то! Видать, того шекастого с пылесосом она тоже продинамила! Вот бы не подумала, что Гроттерша окажется подобной стервой! Она всегда была такая занюханная!» — подумав, заключила Пипа.

В устах Пипы, как и в устах ее мамочки, слово «стерва» звучало почти как похвала. Это было несомненное признание достоинств.

— Вайлялькин — есть увалень. Он не стоит один палец Таня... Он околдовал ее магией вуду и теперь разобьет ей жизнь. Он будет пить vodka, а ее заставит целовать слюнявый старикашка, чтобы получать за это дырки от бублика, — убежденно заявил Пуппер.

— Откуда ты знаешь? — удивилась Пипа.

— Мне рассказала об этом тетя Настурция! Она изучала психологию. Ее диссертация называлась «Мир как большая помойка». Она читала мне ее перед сном, когда я был чайлд, — убито сказал Пуппер.

Он то затухал, впадая в бездну уныния, то, как проснувшийся вулкан, начинал извергать укору и проклятия. Неглупая Пипа сообразила, что Гурий может теперь пребывать в таком настроении до бесконечности.

«Интересно, а ко мне он чего прилетел? На Гроттершу жаловаться? Что ж, от слез в жилетку до новой любви один шаг!» — цинично решила про себя Пипа, маскируя зевок под очаровательнейшую из улыбок.

Пуппер ничего не заметил. Улыбка улетела в молоко.

— Вайлялькин просто деревенщина! Он не следит за свой внешний вид! От его кошмарный желтый тряпка пахнуть гарпиями! Как Таня могла выбрать его по добрый воля и с трезвый голова! — сказал Гурий.

— Пряма в самую точку!.. Умничка, Гурий! Но, строго между нами, у Таньки никогда не было вкуса. Я ей, например, никогда не нравилась, — промурлыкала Пипа.

Пуппер задумчиво потер пальцем свой шрамик в форме копирайта и вновь затух. Довольная Пипа осознала, что попала в цель, подтвердив скрытые опасения Гурия. Теперь стоило только выждать время, когда яд ее слов начнет действовать на положительные мозги англичанина.

Забившись поглубже под одеяло, дочка дяди Германа достала из-под подушки зацелованный портрет Гэ Пэ и стала придирчиво сравнивать его с оригиналом. Пока она сравнивала, оригинал вздыхал и, страдая, грыз ногти. На подбородке и щеках у Гурия пробивалась колючая, явно не раз уже тронутая бритвой щетина, которую журналисты упорно именовали юношеским пушком. М-да, как ни крути, мальчик подросток — неудивительно, что его все время тянуло жениться.

Спустя минуту Пипа окончательно утвердилась во мнении, что актер, играющий Гэ Пэ в кино, безусловно, симпатичнее. Однако этот Пуппер выгодно отличался от *того* Гэ Пэ уже тем, что был настоящим. В том, киношном, магии было не больше, чем в банке из-под обувного крема.

«С клиентом все ясно! Будем брать тепленьким!» — заключила Пипа и небрежно сунула фото под подушку. Фотография утратила свою ценность. Дурнева-младшая нацелилась на оригинал.

— Гурий, — заворковала она, — давай поговорим серьезно! Зачем тебе Гроттерша? Она черствая, как подошва!.. Тебе нужен кто-то, кто понимает твой сложный внутренний мир: метлы, драконбол, комиксы, конфетки с запахом тухлых сливок! И потом, тебе уже семнадцать! Где этой тупой тибидохской хамке удовлетворить твои интеллектуальные запросы? Да она даже дезодорантом пользоваться не умеет! Я не рассказывала тебе, как она брызнула дезодорантом на волосы, перепутав его с лаком?

Пипа замолкла и зыркнула на Пуппера, проверяя, потрясла ли его эта подробность.

Но едва ли Гурий даже слышал ее. Его сознание совершало свой собственный забег. Внезапно он вскочил. В глазах у него запылал демонический огонь, свидетельствующий то ли о наличии в роду темных магов, то ли о богатой фосфором рыбной диете.

— Я понял! Я вызову его на дуэль! Пуф-пуф из кольца, и нет Джон Вайлялькин! — крикнул он страшным голосом.

Это чудо, что тетя Нинель и дядя Герман не проснулись ни теперь, ни прежде, когда вопила Пипа. Должно быть, это была заслуга ватных затычек дяди Германа и наушников тети Нинели.

С этими наушниками была отдельная история. Не так давно мадам Дурнева купила звуковой гипнокурс «Похудей вместе с музыкой». Всю ночь в наушниках у нее переливался инструментал, на фоне которого убеждающий мужской голос страстно нашептывал с частотой четыреста слов в минуту: «Какая у тебя чудесная фигура, дорогая! Я ненавиж-жу мучное... Я ненавиж-жу жиры и углеводы! Меня тошнит от котлет!» По утрам загипнотизированная тетя Нинель сильно задумывалась, прежде чем вонзить вилку в первую за день

индейку. Ее была нервная дрожь. Как-то ей почудилось, что курица в бульоне уккоризненно шевельнула ножкой, будто пыталась сказать: «За что? Куда мы все катимся?» Тетя Нинель даже стала поститься с обеда до полдника, чего прежде с ней никогда не случалось.

— Берегись, Джон Вайлялькин, колдун-вуду! Я буду испепелять тебя в пух и прах!!! Мое кольцо не ведать промаха! — снова крикнул Пуппер.

Откликаясь на его призыв, такса Полтора Километра завyla из-под дивана. Из дальней комнаты ей немедленно откликнулся Халявий. Да-да, именно Халявий... Оборотень не пожелал возвращаться в Трансильванию даже после утраты посоха. В мире лопухоидов ему нравилось куда больше. Внучок бабы Рюхи даже вознамерился устроить личную жизнь и требовал у дяди Германа, чтобы тот дал в газету объявление:

«Мужчина редкой, запоминающейся внешности и уникальных нравственных качеств желает познакомиться с полнокровной женщиной средних лет для совместных прогулок под луной. Звонить по телефону 8-916-XXX-XX-XX, кр. полнолуний и полдня».

Особенно Халявий гордился тем, что в объявлении не содержалось ни капли лжи. Внешность у него действительно была запоминающейся, а нравственные качества — уникальными. Что же касается полнолуний и полдня...

— В полнолуние я того... загрызть ненароком могу. В полдень же у меня крыша едет, — смущенно пояснял Халявий.

«Он меня даже не слышал!» — огорченно подумала Пипа, разглядывая Пуппера, который продолжал бросать вызов Ваньке с такой энергией, словно Валялкин прятался в шкафу и наотрез отказывался выходить.

Пенелопа энергично отбросила одеяло, вскочила и почти насильно принялась гладить развоевавшегося Пуппера по жестким темным волосам. Удивленный Гурий отпрянул было, но внезапно обмяк и, вздрагивая спиной, уткнулся ей лбом в плечо. Для этого ему пришлось основательно ссутулиться. Пипа была на полторы головы ниже, зато вдвое шире Гурия. Руки и лоб у англичанина были холодными и влажноватыми, как у русалки, зато Пипа обжигала, как масляный радиатор.

В целом эта парочка могла напомнить дядю

Германа и тетю Нинель, а заодно навести кое-кого на кое-какие мысли.

«О-о! Птичка уже на насесте!» — обрадовалась Пипа, прекращая тревожиться из-за пижамы. Пупперу было явно не до этого.

Пипа уже торжествовала, но тут Гурий отстранился и с ударением на последний слог деловито окликнул:

— Пипá!

Дочка председателя В.А.М.П.И.Р. вздрогнула. Она не привыкла к такой переделке своего имени на французский лад.

— Пипá, я хочу попросить у тебя что-нибудь из детских вещей Тани!

— Зачем? — неприязненно спросила Пипа.

— Я очень прошу! Хотя бы что-то незначительное!

— Я что, похожа на свинью-копилку? Станем мы всякое барахло хранить! Мамуля Танькино шмотье сто лет назад вышвырнула, — огрызнулась расстроенная Пипа.

— Вдруг осталось хоть что-то! Подойдет любая вещь... Это поможет мне перенести разлуку, — напирал Гурий. В нем, как во многих ино-

странцах, наивность удивительным образом сочеталась с практичностью, а сентиментальность с расчетом.

Пипа закусила губу. Ей стало ясно, зачем на самом деле Гурий повторно явился в Москву в пятый день нового года. Жилетка жилеткой, а дело делом — очень здравый подход. Мальчик со счетом в банке отлично знал, что ему нужно.

— Пипа, я тебя умоляю! Я так несчастен! Хотя какой-нибудь слюнявчик, хоть бутылочку, хоть погремушку! — вновь взмолился Пуппер.

Дочка дяди Германа скрестила на груди руки.

— Вот уж не думала, что великого Гурия Пуппера можно осчастливить погремушкой!.. Да, пожалуйста! Если что найдем — все твое! — произнесла она с холодностью холодильника «Бош».

Отвернувшись, Пипа рывком открыла шкаф и сердито принялась рыться в вещах. Заламывая руки, Пуппер раздражающе маячил у нее за спиной. После продолжительных и безрезультатных поисков Пипа догадалась встать на стул и заглянула на верхнюю полку, где тетя Нинель хранила всевозможные семейные реликвии: крошечные ботинки, в которых Пипа когда-то сделала пер-

вый шаг, ее первую панамку и жвачку «Сладкий цемент» с навеки застрявшим в ней первым молочным зубом Пипы. И вот тут... тут Пипе улыбнулось счастье. Она оглянулась на Пуппера, быстро скользнула взглядом по его лицу и, пожимая плечами, сказала:

— Тебе не повезло. Слюнявчики закончились. Зато есть ползунки... Сойдет?

— Yes! — взволнованно ответил Пуппер.

— Чудненько. Тогда лови! — скомандовала Дурнева-младшая, бросая Гурию ползунки, украшенные божьими коровками.

Гурий подпрыгнул и с ловкостью профессионального драконболиста перехватил ползунки в воздухе. Его лицо моментально стало героическим, плечи расширились, даже подбородок укрупнился, отвердел и приобрел мужественную ямку.

— Ну, Джон Вайлялькин, не один ты можешь использовать магию вуду! Знай же, я верну себе Таню: хочешь ты того или нет! — воскликнул он, потрясая ползунками.

Скомканно и невнимательно попрощавшись с Пипой, Гурий уже отправился за метлой, но тут...

тут такса Полтора Километра внезапно визгливо залаяла на окно. Она поджала хвост и, стуча когтями по паркету, целеустремленно побежала прятаться под диван. Пипа с тревогой проводила ее взглядом. Она знала, что старая калоша никогда не паникует почем зря.

Дверь на лоджию распахнулась, впустив морозный воздух. В комнату, спрыгнув с ковриков, ворвались два магнетизера. Один был приземистый и рыхлый, с сальными волосами. У другого, молодого и вертлявого, по всем признакам большого ловеласа, к щеке была зачем-то приклеена бумажка. У них за спиной, перебирая на животе четки, завис на метле магвокат. Его большое горбоносое лицо, казалось, выражало крайнее благородство, однако в глазках явно проглядывало нечто ханжеское и лукавое.

— Уф, свава Двевниву! Вот ты где, Гувий! Как тебе не стыдно? Ну и заставив же ты нас пововноваться! — добродушно сказал магвокат, грозя Пупперу тонким пальцем.

— Проклятье, они меня выследили! Это Хадсон, наш семейный магвокат! — шепнул Гурий оцепеневшей Пипе и быстро спрятал руки с пол-

зунками за спину. — Я не звал вас, Хадсон! Летите откуда прилетели! — громко сказал он.

— Ах, Гувий, когда же ты певестанешь быть вебенком?.. Нас послали твои тети: тетя Настувция и двугая тетя, чья добвота не знает гваниц. Они так ствадают... Тетя Настувция даже певестава спать после завтвака. Она купива ядовитых чевнил и пишет ваботу «Чевная неблагодавность и ее вошь в воспитании личности».

— Нет!

— Да, Гувий, да... Боюсь, тебе пвидется пвойти с нами! Будь мувчиной и имей мувество взвянуть в гваза тетям!.. Вучше, если мы обойдемся без насилия, — мягко, но настойчиво произнес магвокат.

Он скользнул оценивающим взглядом по Пипе и сразу потерял к ней интерес. Лопухоиды мало его интересовали.

— Ни за что! В этом мире вы не имеете права применять боевую магию! — пятясь, заупрямился Пуппер.

— ГУВИЙ! Не заставляй меня севдиться! Повевь, мы обовдемся и без боевой магии! — повысил голос магвокат, подавая знак магнетизерам.

Пуппер рванулся было к метле, но магнетизе-

ры оказались проворнее. Сомкнувшись вокруг Гурия, они вежливо, но очень крепко подхватили его под руки.

— Смотри нам в глаза, маленький сладенький Пупперчик! Расслабься, тебе ничего не интересно! Мальчик хочет домой к тете Настурции и к другой тете, чья гуманность велика, как океан, а великодушие громаднее слона... — поигрывая стеклянными шарами, заныли магнетизеры.

Магвокат снисходительно погладил Гурия по щеке.

— Двуг мой! Повевь, так будет вучше для тебя! Небольшая коввекция памяти, и ты снова наш — мивый, пведсказуемый Пуппевчик, квоткий, как дохвый бавашек! — сладко сказал магвокат.

— НEEEEЕ-ЕТ!

Пуппер из последних сил лягнул в голень одного магнетизера, оттолкнул другого и, ослабевав от гипноза, рухнул на ковер.

— Не отдавай меня, Пипа! Я не хочу забывать Таню, не хочу забывать тебя, не хочу к противным теткам! — взмолился он, простирая руки к Пипе.

Дурнева-младшая, не совсем еще опомнившаяся после внезапного появления у нее в комнате

трех взрослых мужчин, собралась с духом и шагнула вперед.

— Не вмешивайся, двянь, или повалеешь! Я заповосто смогу пвевватить тебя в мовскую свинку! — прошипел магвокат. Зрачки в его добрых прежде глазах исчезли. Теперь там полыхало адское пламя.

Пенелопа отпрянула.

— Пипа, ради меня! Я знаю, я тебе дорог! — вновь взмолился Гурий.

Он титаническим усилием попытался встать, но смог лишь со стоном приподняться на руках. Глаза Пуппера слипались — гипнотическая магия уже сделала свое дело. Торжествующие магнетизеры наклонились, собираясь поднять Гурия и погрузить его на ковер-самолет. Молодой магнетизер с бумажкой уже заботливо смахивал с ковра снег, чтобы Пуппер, не дай Древнир, не простудился бы и не огорчил этим своих тетя.

Дочка дяди Германа решилась. Вся ее любовь, все поцелуи, которыми она несколько лет покрывала рамку с фотографией, — все алкало теперь возмездия.

— Держись, Гэ Пэ! Я иду! — крикнула она, в ре-

шительнейшую из минут прибегая к этому любимому и более привычному для нее имени.

В блестящем прыжке лосося, аналоги которому можно было отыскать разве что в Старшей Эдде, Пипа вцепилась в руку Гурия и дернула его на себя. Точно так ее мама Нинель однажды отвоевала дядю Германа у его секретарши, которая имела фигуру богини и глаза персидской кошки. У тети Нинели не было ни фигуры, ни соответствующих глаз, но дядя Герман — потрепанный, но живой, остался в полной ее власти. Секретарша же — гм... впрочем, сдержусь. Это как раз тот случай, когда о людях говорят или хорошо, или ничего.

От неожиданности магнетизеры отпустили было Гурия, но почти сразу, опомнившись, ухватили его за ноги и потянули к себе.

— Это что еще за фокусы? Конкувенты? Пвочь отсюда, девчонка! — брезгливо сказал Хадсон и с нехорошей улыбкой поднял руку, явно припоминая заклинание.

Пипа ощутила, как влажная ладонь Пуппера выскользывает у нее из руки. У нее не хватало сил удерживать ее. Все-таки два взрослых магнетизе-

ра и магвокат были сильнее четырнадцатилетней девчонки.

— Гэ Пэ, нет, Гэ Пэ! Ты мой! А вы пошли прочь, пока я вас не уколошила! — со слезами крикнула Пипа.

Из последних сил она вцепилась в ускользящую руку Пуппера. Магнетизеры хладнокровно дернули Гурия на себя и стали деловито укладывать его на коврик. Пипа стиснула уже пустую ладонь и внезапно ощутила в ней что-то твердое и прохладное. Соскользнувший с пальца перстень Пуппера, перстень Гэ Пэ!

Голова у Пипы закружилась. В груди, точно девятый вал с картины Айвазовского, поднялся гнев. Она с трудом стояла на ногах, ощущая, как внутри у нее зарождается какая-то неведомая сила. Сила такая могучая, что Пипу распирало изнутри.

— *Парус спускалус!* — крикнул магвокат Хадсон, первым заподозривший неладное.

Красная искра помчалась к Пипе. Но дочка дяди Германа увидела почему-то не искру, а четыре скрещенные молнии. Не задумываясь, что и зачем она делает, Пенелопа мысленно свернула

их и отбросила в сторону. А потом, выбросив кулак со сжатым в нем кольцом, крикнула страшным голосом:

— А вы все прочь! Проваливайте на кудыкины горы собирать помидоры! Мой сладкий Гэ Пэ! Никому его не отдам!

И что-то такое грозное появилось в ее голосе, что даже наглые магнетизеры пугливо отпрянули, впервые в жизни испугавшись четырнадцатилетней девчонки. Один из них даже уронил стеклянный шар. Хадсон уставился на свой перстень и потряс его, не понимая, почему не сработало заклинание.

— Что ты сдевава с моей магией? Ах ты, уводи-на! — удивленно и вместе с тем испуганно воскликнул он.

Пипа окончательно взбесилась. К своей внешности она относилась трепетно. Можно даже сказать, болезненно. Магвокат со своим презрением к лопухоидам переступил ту грань, которую переступать было никак нельзя.

— ВОО-О-Н! ПРОЧЬ, КОМУ СКАЗАЛА! Убирайтесь к вашим теткам! — завизжала дочка председателя В.А.М.П.И.Р.

Раздувшийся черный кокон ненависти, накопившийся у Пенелопы к похитителям «сладкого Гэ Пэ», лопнул. Из стиснутого кулака дочки дяди Германа вырвался красный луч, ослепительный, как прожектор на маяке. Оба магнетизера и магвокат не успели отпрянуть.

— О Двевнив, нет! Она нас убьет! — успел только крикнуть Хадсон.

А еще мгновение спустя на полу остался лишь ковер-самолет с погруженным на него Пуппером, три вороха одежды и вставная челюсть мистера Хадсона.

Гурий рывком сел. Он выглядел ничуть не менее напуганным, чем мистер Хадсон за секунду до своего исчезновения.

— Нет, Пипа, хватит! Прошу тебя, достаточно! Больше не надо! — крикнул Гурий в ужасе.

Пипа очнулась. Ее ладонь разжалась. Кольцо выкатилось на пол. Пуппер поднялся с коврика и дико уставился на Пипу. Потом вдруг расхохотался, да так, что замотанные скотчем очки подскакивали у него на переносице.

— Колоссально!!! Ты владеешь интуитивной темной магией! Сколько же ее в тебе, если ты обошлась без заклинаний! — воскликнул он.

— Чего? — недоуменно переспросила Пипа.

— Да-да... Разумеется, я слышал, что магия может пробудиться в лопухоиде или в том, кого считали лопухоидом, в любом возрасте, но чтобы с такой силой! В чародейской практике таких случаев one-two и обчелся — их заносят в справочники, они становятся легендой! — продолжал восхищаться Пуппер.

Пенелопа посмотрела на свою нелепую пижаму, пошевелила большими пальцами ног и хмыкнула.

— Я владею темной магией? — спросила она хрипло.

— А чем же ты их снесла? Не праздничным же пирогом? Ты сама хоть что-то ощутила?

— Не-а... Я возмутилась, а потом вроде как вижу перед глазами четыре серебристые молнии. Я их мысленно сплела и отбросила. Типа нечего тут сорить, не у себя дома, — неохотно буркнула Пипа.

— Ого! Ты отразила атакующую магию Хадсона, а потом выбросила хаотическую магическую волну невероятной мощи. Вон смотри, на обоях вместо цветочков появились гильотинки! Несчастные магнетизеры!

— Я их испепелила? — встревожилась Пипа.

Пуппер снова принялся хохотать.

— О нет, к счастью! Хотя могла бы и испепелить! Ты крикнула «убирайтесь к вашим теткам». Я уверен, для интуитивной магии это прозвучать, как сигнал к телепортации. Бедняга Хадсон!.. Если бы он тебя не разозлил, возможно, магия в тебе и не пробудилась бы... А тут еще мое кольцо! Хадсон! Для такой специалист сесть в такой глубокий луж! Воображаю, что будет, когда он появится перед тетей Настурцией в чем мать родила! Перед тетей Настурцией, которая даже душ принимает в водолазном костюме!.. Ну-ка посмотрим!

Гурий взял метлу и разгреб ее палкой ворох одежды.

— Вон и противосглазовые жилетки валяются — ничего не помогло. А ведь ты не знаешь ни одного заклинания! О Пипа! You are wonderful! Если бы не ты, меня точно упекли бы к теткам, а так пускай еще поймают! Я, конечно, вернусь к ним, но вернусь победителем, а это большая разница! До встречи, Пипа! Я так тебе благодарен! — сказал он, подбирая с пола свое кольцо.

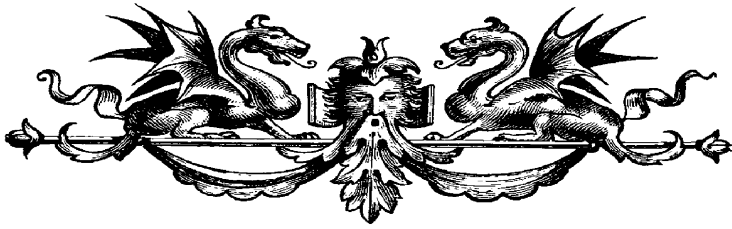

Гурий попрощался, на этот раз очень тепло, благодарно клюнул влажными губами Пипу в щеку и улетел на метле, прижимая к сердцу ползунки с божьими коровками.

— О Таня! Таня! Ты будешь моей! Я ощущаю твое биополе, такое горячее, такое родное! — шептал он, думая уже совсем о другом.

Пипа стояла у окна, провожая Гурия растроганным взглядом и ощущая на щеке его поцелуй. Внезапно дочка дяди Германа хихикнула, крайне довольная.

Наивный Пуппер! Неужели он думал, что тетя Нинель стала бы держать у себя дома ползунки жалкой Гроттерши? Разумеется, Пипа впихнула ему свои!

ОГЛАВЛЕНИЕ

АБСОЛЮТНО НОВЫЕ ЗАКЛИНАНИЯ	5
Глава 1	
PIPA THE TERRIBLE	7
Глава 2	
СНОГШИБАТЕЛЬНАЯ МАГВОСТЬ	31
Глава 3	
ПИПА ДУРНЕВА И ЕЕ ВОСЕМЬ ЧЕМОДАНОВ	71
Глава 4	
ПИПА, ДЕВУШКА С ХЛЕБ-ЭНД-СОЛ И ВЛЮБЛЕННЫЙ ЖИКИН	88
Глава 5	
ЩИТ ПЕРСЕЯ	119
Глава 6	
МАША ФЕКЛИЩЕВА, ВАНЬКА И «ГРОЗНАЯ РУССКАЯ ГРОТТИ»	155
Глава 7	
БЕАТРИСА ПРЕМУДРАЯ	197
Глава 8	
PERUNUS DEUS	219
Глава 9	
ТАТЬЯНА ЛАРИНА И ДОРОГУША ПУППЕР	252

Глава 10	
ТАНЬКИ ГРЯЗИ НЕ БОЯТСЯ	282
Глава 11	
СБОРНАЯ ВЕЧНОСТИ	319
Глава 12	
ТРЕТЬЯ ЖЕРТВА	378
Глава 13	
ЯРОСТЬ БОЖЕСТВА.....	395